

Отражение процесса становления концепта в орфографии слова (на материале английского языка)

Л. А. Козлова

АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, БАРНАУЛ

Аннотация. Опираясь на понимание концепта как динамической, становящейся сущности и положение о том, что большая часть концептов находит свою репрезентацию в слове, автор попытается выявить связь между процессами становления концепта и отражением этих процессов в орфографии английских сложных слов. Как известно, многие сложные слова в английском языке отличаются вариативностью орфографии и пишутся отдельно как словосочетания, слитно или через дефис. Вариативность в написании слов, по мнению автора, иконически отражает незавершенность процесса становления нового концепта, тем самым подтверждая его динамическую, «нарождающуюся» сущность. В тех случаях, когда семантика существительного-атрибута и семантика опорного существительного обнаруживают тенденцию к стяжению в одно значение, за которым стоит один концепт, возникает асимметрия между когнитивной (смысловой) целостностью и раздельнооформленностью. Стяжение словосочетания в одно слово приводит к устранению асимметрии и установлению количественной иконичности: один концепт – одно значение – одно слово.

Ключевые слова: концепт, динамизм, орфография, асимметрия, когнитивная / формальная целостность, количественная иконичность.

Козлова Л. А. Отражение процесса становления концепта в орфографии слова (на материале английского языка) // Критика и семиотика. 2015. № 2. С. 161–171.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2015. № 2
© Л. А. Козлова, 2015

УДК 811.111

Контактная информация: Козлова Любовь Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии АлтГПУ (ул. Крупской, 108, Барнаул, 656031, lyubovkozlova@list.ru)

В настоящее время все чаще звучит мнение о том, что имеет место «синдром усталости от концептов», что «концепты всем надоели». По словам В. З Демьянкова, мода на концепты приводит к тому, что концепт часто воспринимается как удобные тапочки, надев которые, «можно безмятежно гулять по пространству русской культуры, выбирая понравившиеся достопримечательности» (цит. по: [Фещенко, 2011, с. 26]). Известный синдром усталости от концептов действительно имеет место, как это часто бывает, когда формируется новое направление, а вместе с ним приходят и новые термины, которые начинают так интенсивно употребляться, что это входит в привычку и постепенно приводит к их обесцениванию. Вместе с тем невозможно не признать, что, принимая определение значения как концепта, «схваченного языковым знаком» [Кубрякова и др., 1996, с. 92], при анализе значения слова мы неизбежно должны обращаться к концепту как к той сущности или к тому смыслу, который стоит за словом и находит свою репрезентацию (зачастую неполную) в словесной форме. А возможности изучения слова – как поэтического, так и быденного, не исчерпаны и неисчерпаемы, что делает концептуальный анализ, выводящий нас за границы системного, лексикографического значения слова и позволяющий реконструировать стоящий за словом концепт, значимым и необходимым. Сегодня трудно заниматься изучением семантики любого языкового знака, будь то слово, грамматическая форма или синтаксическая конструкция, не обращаясь при этом к стоящему за ним концепту. Несмотря на громадное количество работ по исследованию различных концептов и их языковых репрезентантов, многие вопросы продолжают оставаться актуальными и ждут дальнейшего изучения. Назовем в их числе такие вопросы, как характер отношений между концептом и полисемантом: стоит ли за полисемантом один концепт или это могут быть разные концепты? Не менее значимым представляется проблема, связанная со спецификой языкового сознания билингва и полилингва, а именно: формируются ли в результате усвоения другого языка и другой культуры новые концепты или происходит расширение и модификация концептов, сформированных на базе родного языка и родной культуры? К числу таких проблем относится, на наш взгляд, и проблема становления концепта и отражение этого процесса в форме слова.

Как показывает история развития лингвоконцептологии, термин «концепт» пришел в лингвистику двумя путями. Необходимость его введения

в метаязык лингвистики была обусловлена как внешними, так и внутренними факторами. Во-первых, это произошло во многом благодаря сотрудничеству лингвистики с другими науками, в первую очередь с когнитивной психологией, культурологией и лингвофилософией. Как отмечает Е. С. Кубрякова, интеллектуальный климат 50–60-х гг. прошлого века был отмечен взрывом интереса к проблемам человеческого сознания и мышления, поэтому главной темой когнитивных исследований становится изучение ментальных процессов памяти, восприятия, когнитивного развития личности, доступ к которым возможен только через языковые данные, поэтому обращение к лингвистике было неизбежным [1994, с. 40–41]. Язык стал рассматриваться как «окно в сознание», а концепт – как единица ментального мира, или квант знания, который может быть реконструирован на основе анализа языковых данных. Широкую известность получило определение концепта как сведений о том, что «индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира» [Павиленис, 1983, с. 101–102]. Для получения этих сведений, т. е. для реконструкции концепта, исследователь обращается к анализу слова или другого языкового знака, репрезентирующего концепт. Другими словами, при таком направлении анализа – от концепта к слову и от анализа слова к реконструируемому концепту – объектом анализа является концепт, а концептуальный анализ языковых знаков, его репрезентирующих, служит средством реконструкции концепта. Именно в таком направлении осуществляется анализ концептов как «сгустков культуры» в работах Ю. С. Степанова и его школы [Степанов, 2007]. В качестве объектов исследования при этом выступают такие базовые концепты различных культур, как ЛЮБОВЬ, ВЕРА, НАДЕЖДА, ПРАВО, ЗАКОН, ЧЕСТЬ, FAIR PLAY и т. п. Помимо словесных, или вербальных, способов репрезентации концептов в рамках этого направления широко исследуются также невербальные средства, такие как живопись, музыка и их взаимодействие с вербальными средствами, что закономерно выводит исследования в область теории синтеза искусств, или интермедальности.

С другой стороны, необходимость обращения к концепту как к тому смыслу, который стоит за словом и который не всегда находит полное выражение в значении слова, фиксированном в словаре, возникла в недрах самой лингвистики и явилась новым закономерным этапом на пути семантического анализа слов и других языковых знаков. Именно в таком направлении развивались взгляды таких отечественных исследователей – специалистов в области семантики, как М. В. Никитин, Е. Г. Беляевская и др., теоретические воззрения которых эволюционировали от системоцентризма к когнитивизму. Впервые охарактеризовав языковое значение как «концепт, связанный знаком» [Никитин, 1974], М. В. Никитин далее развивает эту концепцию в контексте когнитивной семантики, показывая двустороннюю сущность концепта, его обращенность как к языку, так

и к сознанию. Он пишет: «Концепт подобен двуликому Янусу: как сказано, одной стороной он обращен к миру, который он отражает и / или конструирует в сознании, другой – к языку и знакам, которые его выражают и называют (репрезентируют и объективируют)» [Никитин, 2003, с. 175].

В рамках этого направления когнитивной семантики центр тяжести, или фокус внимания исследователей переместился от изучения лексикографического, словарного значения лексических единиц в сторону стоящих за ними концептуальных структур. При таком подходе объектом и отправной точкой анализа выступает семантика языкового знака, а обращение к стоящему за знаком концепту позволяет реконструировать и сам концепт и расширить объем значения языкового знака за счет выявления тех скрытых смыслов (подводной части айсберга), которые не находят отражения в лексикографическом описании значения, что и позволяет характеризовать значение как эмерджентную сущность, выявляемую в результате концептуального анализа слова.

Несмотря на определенные различия, между этими двумя направлениями существует общее когнитивное пространство, а потому многие идеи, разработанные в рамках одного направления, могут получить дальнейшее развитие в рамках другого.

В статье, изданной в Материалах конференции «Языки и метаязыки в пространстве культуры» (РАН, 2011) – конференции, которая, как показывает содержание статей, проходила под знаком Ю. С. Степанова, О. Г. Ревзина отмечает, что в работах Юрия Сергеевича, посвященных концептам, мы находим множество замечаний, одни из которых являются базовыми для его учения о концептах, а другие сделаны как бы вскользь и не акцентируются специально, но для внимательного читателя они не менее важны, поскольку именно благодаря им «мелькавшая в мозгу смутная догадка вдруг находит четкое и едва ли не бесспорное выражение», и такое замечание воспринимается «как обретенное стартовое место, которое дарит дополнительное ускорение» [Ревзина, 2011, с. 241]. К числу таких замечаний Ю. С. Степанова о концептах относится, во-первых, трактовка концепта как динамической сущности, т. е. не раз и навсегда данной, а «становящейся», «зарождающейся», «зачинающейся» (что отражено в самой этимологии слова «сопсерт») [Степанов, 2001, с. 43], во-вторых, понимание концепта, прежде всего, как достояния индивида («концепт – это то, что создает для себя говорящий» [Степанов, 2007, с. 22]); в-третьих, указание на наличие эмоциональной составляющей в структуре концепта («концепты не только мыслятся, они переживаются» [Степанов, 2001, с. 43]).

Хотя Ю. С. Степанов занимался изучением культурных концептов, определяя концепт как «сгусток культуры в сознании человека» [Там же], все вышесказанное им о концептах, на наш взгляд, может быть экстраполировано в область изучения концептов не только высокой культуры,

но и концептов повседневной, бытовой культуры, или культуры с маленькой буквы (*culture writ small*), если понимать культуру, вслед за Э. Сепиром, как все то, что «данное общество делает и думает» [Сепир, 1993, с. 193].

Опираясь на понимание Ю. С. Степановым концепта как динамической, становящейся сущности и положение о том, что большая часть концептов находит свою репрезентацию в слове, мы в рамках данной статьи попытаемся выявить связь между процессами становления концепта и отражением этих процессов в орфографии слов.

Общеизвестно, что для значительной части английских сложных слов характерна вариативность в написании: они пишутся отдельно, слитно и через дефис (ср.: *fire-light, candle light, lamplight*). Обычно эта вариативность в написании констатируется в пособиях по английской орфографии, в работах по словосложению, но не получает какого-либо подробного объяснения. Исследователи выделяют четыре критерия разграничения сложного слова и словосочетания: графический, фонетический, семантический и структурный [Смирницкий, 1956]. Но при этом ни один из них не может рассматриваться в качестве ведущего, и вопрос о границах между сложным словом и словосочетанием остается открытым. Более того, мы полагаем, что такие критерии, как фонетический и графический, служат лишь формальными показателями цельнооформленности слова, но не могут использоваться в качестве исходных причин, обуславливающих стяжение словосочетания в сложное слово. В отдельных случаях можно встретить и такие объяснения вариативности орфографии (слитно, отдельно или через дефис): «Английский язык не постоянен, и самый лучший вариант узнать правильное написание слова, это посмотреть в словаре. Если же там предложен более чем один вариант написания, наиболее верным является первый вариант, так как он является наиболее распространенным» [Гаваева, Рябова, 2006]. Нам представляется, что вариативность в орфографии слова свидетельствует не о непостоянстве английского языка (что противоречило бы такой характерной черте британского национального характера, как консерватизм, которая не может не находить своего отражения в языке, свидетельством чему является, например, традиция в написании многих слов, орфография которых кардинально расходится с их современным произношением), а, скорее, является маркером определенной нестабильности, незавершенности процесса изменения статуса языковой единицы, в данном случае ее маргинального положения между словосочетанием и словом.

Наиболее частотны случаи вариативности орфографии в случае сложных слов и словосочетаний, построенных по модели $N + N$, в составе которой первый компонент представляет собой существительное в атрибутивной функции, выступающее в качестве функционального синонима прилагательного (подробно см.: [Козлова, 1997, с. 124–130]. При этом од-

ни сочетания, построенные по данной модели, сохраняют свой статус и не проявляют тенденции к стяжению в сложное слово, например: *jobs crisis*, *crime lab*, *peace movement*, *unemployment rate* и т. д., а другие проявляют такую тенденцию, что находит отражение в вариативности их орфографии, например: *life style*, *life-style*, *lifestyle*, что и дало основание определять их как «нестойкие сложные слова» [Смирницкий, 1956, с. 133–134].

Говоря о факторах, обуславливающих стяжение словосочетания в одно слово, следует признать, что основным фактором цельноформленности является семантический, согласно которому изменение формы отражает изменение смысла. Иначе говоря, стяжение словосочетания в одно слово отражает завершение процесса формирования нового значения, которое является результатом интеграции значений опорного существительного и определения к нему, и следствием такой интеграции является возникновение нового значения для именованной новой реалии внешнего или внутреннего мира. Специфика такого рода интеграции состоит в том, что семантика опорного существительного при этом образует фон, а атрибутивный признак становится ведущим, т. е. образует фигуру. Например, в таких сложных словах, как *seaman*, *sportsman*, *cameraman* основную семантическую нагрузку несет первый компонент (в терминологии компонентного анализа – выражает дифференциальную сему), а второй является показателем принадлежности слова к классу существительных (выражает архисему) и потому в значительной мере подвергается десемантизации: его функциональная нагрузка может быть приравнена к словообразовательному суффиксу (ср.: *a seaman* – *a sailor*). Нельзя не заметить и тот факт, что словосочетания, построенные по модели $N + N$ подвергаются стяжению в одно слово чаще, чем словосочетания, построенные по другим моделям, что, очевидно, обусловлено фактом транспозиции, приводящей к асимметрии между принадлежностью слова к одной части речи и его функционированием в позиции другой части речи, а стяжение в сложное слово устраняет эту асимметрию.

А поскольку значение, как мы уже отмечали, представляет собой концепт, репрезентируемый знаком, есть все основания говорить о том, что вариативность орфографии в данном случае отражает процесс становления нового концепта, который формируется в результате интеграции исходного концепта и его признака. Данный процесс может служить иллюстрацией динамической природы концептов как ментальных сущностей, которые находятся на разных этапах становления, что может находить отражение в языковых единицах, их репрезентирующих.

Нетрудно предвидеть вопрос, который может возникнуть у внимательного читателя: разве признак цельноформленности является обязательным условием для объективации концепта, разве концепт не может выражаться словосочетанием? Ответ на этот вопрос может быть только утвердительным. Конечно, может. Концепт может выражаться и словосо-

четанием, и целым предложением, и текстом, за которыми стоят сложные концепты. Нам представляется, что в тех случаях, когда формирование нового концепта стимулирует стяжение словосочетания в сложное слово, вступает в действие принцип иконичности. Остановимся на этом факторе более подробно.

В рамках структурной парадигмы лингвистики, вслед за Ф. де Соссюром, из трех типов знаков – икон, индексов и символов – наибольшее внимание уделялось изучению знаков-символов как наиболее распространенных в любом языке.

Возобновление интереса к явлениям иконичности в языке было стимулировано развитием функциональной и особенно когнитивной лингвистики, рассматривающей язык как «окно» в сознание. В рамках когнитивной парадигмы языка, как отмечает Е. С. Кубрякова, представляется возможным не только поставить в соответствие каждой языковой форме ее когнитивный аналог, ее концептуальную структуру, но и объяснить причины выбора именно этой формы для передачи данного содержания [Кубрякова, 2004, с. 16]. Поворот лингвистов к феномену сознания повлек за собой определенную модификацию в трактовке сущности иконичности. Поскольку при когнитивном подходе язык рассматривается как средство объективации не столько самого мира, сколько его образа, концептуальной картины мира в нашем сознании, то и сущность иконичности трактуется как определенное соответствие или изоморфизм между структурой языка и той концептуальной структурой, которая формируется в сознании на основе опыта освоения объективного мира (см., например, [Кобозева, 2000, с. 40]). Подобное понимание иконичности позволяет значительно расширить рамки данного явления и выявить разнообразные случаи манифестации принципа иконичности в языковом пространстве.

Как отмечают исследователи, принцип иконичности представлен тремя разновидностями: принципом иконической последовательности (*iconic sequencing*), иконической близости (*iconic proximity*) и иконического количества (*iconic quantity*) [Ungerer, Schmid, 1999, p. 251].

В случае стяжения словосочетания в одно слово для обозначения нового концепта мы имеем дело с действием принципа иконического количества, в основе которого лежит количественное соответствие между содержанием и формой. Это может быть соответствие между количеством предметов, явлений или действий, а также количеством информации, ее значимостью и объемом ее формального выражения. Этот принцип также имеет множественные формы манифестации в языке. Действие этого принципа прослеживается, например, в удлинении звуков при передаче значения размера (*бо-о-о-льшой, огро-о-о-о-мный*), в повторе лексем, например при передаче значения многократной повторяемости действия, явления или состояния (*Он все стучал и стучал. А сердце болит и болит у меня. На Соловецких островах дожди, дожди*). В качестве примера дей-

ствия данного принципа в сфере морфологических форм исследователи обычно указывают на форму множественного числа существительных, которая в большинстве языков оказывается длиннее формы единственного числа либо за счет добавления окончания, как в большинстве европейских языков, либо за счет повтора лексемы, как, например, в зулусском языке (см. об этом: [Молчанова, 2001, с. 69]). Принцип иконического количества лежит в основе таких экспрессивных языковых средств, как аллитерация, корневой и синонимический повтор, параллельные конструкции.

Как нам представляется, действием именно этого принципа можно объяснить причину стяжения отдельных словосочетаний в английском языке в одно слово. В тех случаях, когда семантика существительного-атрибута и семантика опорного существительного обнаруживают тенденцию к стяжению в одно значение, за которым стоит один концепт, возникает асимметрия между когнитивной (смысловой) целостностью и раздельноформленностью. Стяжение словосочетания в одно слово приводит к устранению асимметрии и установлению количественной иконичности: один концепт – одно значение – одно слово.

Таким образом, вариативность в написании слов (вместе, через дефис и раздельно), по нашему мнению, иконически отражает незавершенность процесса становления нового концепта, тем самым подтверждая его динамическую, «нарастающую» сущность.

В заключение остановимся еще на одном любопытном примере, подтверждающем роль принципа иконичности в орфографии слова.

В русском переводе романа английского писателя Джеффа Дайера описывается следующий эпизод: накануне поездки на открытие Венецианского биеннале стареющий журналист приходит в парикмахерскую, чтобы покрасить волосы. Это первый подобный опыт в его жизни, и после окраски он рассматривает свое отражение в зеркале, размышляя о том, что эта новая внешность переводит его в особую категорию мужчин. «Сидя в кресле, он был целиком поглощен последствиями превращения в *мужчину-который-красит-волосы*» (курсив переводчика) [Дайер, 2010, с. 24]. Обратившись к оригиналу романа, мы обнаружили, что в нем данная синтаксическая фраза не подвергнута стяжению в одно слово «*He was preoccupied, as he sat there, by the implication of coming out as a man who dyed his hair*» [Dyer, 2009, p. 12].

Нам представляется, что данная переводческая «вольность» вполне допустима и даже оправданна, поскольку подсказана всем контекстом («ему же предстояло заново родиться»), который показывает, что в сознании персонажа, наблюдающего свою новую внешность, действительно формируется особый концепт (типаж) «мужчины-который-красит-волосы», и это не может не сопровождаться соответствующими эмоциями. Очевидно, именно так воспринимает это состояние персонажа переводчик, что и побуждает его к созданию окказионального сложного слова, именуемого

этот концепт. Сказанное еще раз подтверждает мысль Ю. С. Степанова о том, что концепт – это динамическая, «становящаяся» сущность, что это, прежде всего, достояние индивида, а также о наличии эмоциональной составляющей в структуре концепта.

Список литературы

Гаваева Н. Н., Рябова Е. Н. Критерии разграничения сложного слова и словосочетания в современном английском языке // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации. Теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Саранск, 2006. Вып. 5. URL: www.fld.mrsu.ru/wp-content/uploads/2010/02/Выпуск5/doc

Дайер Д. Влюбиться в Венеции, умереть в Варанасе / Пер. с англ. А. Г. Осипова. М.: РИПОЛ классик, 2010.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Козлова Л. А. Проблемы функционального сближения частей речи в современном английском языке: Монография. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1997.

Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика, психология, когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996.

Молчанова Г. Г. Когнитивная стилистика и стилистическая типология // Вестн. МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 3. С. 60–72.

Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.

Никитин М. В. Основания когнитивной семантики: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.

Павиленис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

Ревзина О. Г. Текстовые концепты *БОГ* и *ТВОРЧЕСТВО* в поэтических циклах Марины Цветаевой // Под знаком «Мета»: Материалы конф. «Языки и метаязыки в пространстве культуры» / Под ред. Ю. С. Степанова, В. В. Фещенко, Е. М. Князевой, С. Ю. Бочавер. М.: Калуга: Эйдос, 2011. С. 243–256.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. М.: Прогресс-Универс, 1993.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001.

Степанов Ю. С. «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образования и науки РФ. ТГУ им. Г. Р. Державина; Редкол.: Е. С. Кубрякова (отв. ред.), Е. М. Позднякова (зам. отв. ред.) и др. М.; Калуга: Эйдос, 2007. С. 19–26.

Фещенко В. В. Наука о концептах и искусство концептов // Под знаком «Мета»: Материалы конф. «Языки и метаязыки в пространстве культуры» / Под ред. Ю. С. Степанова, В. В. Фещенко, Е. М. Князевой, С. Ю. Бочавер. М.; Калуга: Эйдос, 2011. С. 25–41.

Dyer G. Jeff in Venice, Death in Varanasi. UK, Pantheon, 2009.

Ungerer F., Schmid Y.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. London; New York: Longman, 1996.

Article metadata

Title: The manifestation of the process of concept formation in the orthography of the word (on the material of the English Language)

Author: L. A. Kozlova

Author's e-mail: lyubovkozlova@list.ru

Abstract: Starting from the understanding of the concept as a dynamic, 'becoming' entity and the fact that most concepts find their representation in the word, the author makes an attempt to reveal the connection between the processes of a concept formation and the reflection of these processes in the orthography of the English compound words. As is well known, the orthography of many English compounds varies, and they may be written as one word, hyphenated or written separately. The author supposes that this variation iconically reflects the process of a new concept formation, thus revealing the dynamic, 'becoming' character of the concept. In such cases when the semantics of the noun-attribute and the semantics of the head noun reveal the tendency of integrating into one meaning, denoting one concept, their emerges a certain asymmetry between the cognitive (semantic) integrity and the two-words orthography. The reduction of a word-phrase into a compound word results in the elimination of this asymmetry and the establishment of quantity iconicity: one concept – one meaning – one word.

Key terms: concept, dynamism, orthography, cognitive/formal integrity, quantity iconicity

Reference literature (in transliteration):

Gavaeva N. N., Rjabova E. N. Kriterii razgranichenija slozhnogo slova i slovosochetaniya v sovremennom anglijskom jazyke // Lingvisticheskie i jekstralingvisticheskie problemy kommunikacii. Teoreticheskie i prikladnye

aspekty: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Saransk, 2006. Vyp. 5. URL: www.fld.mrsu.ru/wp-content/uploads/2010/02/Vypusk5/doc

Dyer D. Vljubit'sja v Venecii, umeret' v Varanase / Per. s angl. A. G. Osipova. M.: RIPOL klassik, 2010.

Kobozeva I. M. Lingvisticheskaia semantika: Ucheb. posobie. M.: Jeditorial URSS, 2000.

Kozlova L. A. Problemy funkcional'nogo sblizhenija chastej rechi v sovremenom anglijskom jazyke: Monografija. Barnaul: Izd-vo BGPU, 1997.

Kubryakova E. S. Nachal'nye jetapy stanovlenija kognitivizma: lingvistika, psihologija, kognitivnaja nauka // Voprosy jazykoznanija. 1994. № 4. S. 34–47.

Kubryakova E. S. Ob ustanovkah kognitivnoj nauki i aktual'nyh problemah kognitivnoj lingvistiki // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2004. № 1. S. 6–17.

Kubryakova E. S., Dem'jankov V. Z., Pankrac Ju. G., Luzina L. G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / Pod obshh. red. E. S. Kubryakovoj. M., 1996.

Molchanova G. G. Kognitivnaja stilistika i stilisticheskaia tipologija // Vestn. MGU. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2001. № 3. S. 60–72.

Nikitin M. V. Leksicheskoe znachenie v slove i slovosochetanii. Vladimir, 1974.

Nikitin M. V. Osnovaniia kognitivnoj semantiki: Ucheb. posobie. SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2003.

Pavilenis R. I. Problema smysla. Sovremennyj logiko-filosofskij analiz jazyka. M.: Mysl', 1983.

Revzina O. G. Tekstovye koncepty BOG i TVORChESTVO v pojeticheskikh ciklah Mariny Cvetaevoj // Pod znakom «Meta»: Materialy konf. «Jazyki i metajazyki v prostranstve kul'tury» / Pod red. Ju. S. Stepanova,

Sapir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii: Per. s angl. M.: Progress-Univers, 1993.

Smirnickij A. I. Leksikologija anglijskogo jazyka. M., 1956.

Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Akademicheskij proekt, 2001.

Stepanov Ju. S. «Ponjatie», «Koncept», «Antikoncept». Vektornye javlenija v semantike // Konceptual'nyj analiz jazyka: sovremennye napravlenija issledovanija: Sb. nauch. tr. / RAN. In-t jazykoznanija; Min-vo obrazovanija i nauki RF. TGU im. G. R. Derzhavina; Redkol.: E. S. Kubryakova (otv. red.), E. M. Pozdnjakova (zam. otv. red.) i dr. M.; Kaluga: Jejdos, 2007. S. 19–26.

Feshhenko V. V. Nauka o konceptah i iskusstvo konceptov // Pod znakom «Meta»: Materialy konf. «Jazyki i metajazyki v prostranstve kul'tury» / Pod red. Ju. S. Stepanova, V. V. Feshhenko, E. M. Knjazevoj, S. Ju. Bochaver. M.; Kaluga: Jejdos, 2011. S. 25–41.

Dyer G. Jeff in Venice, Death in Varanasi. UK, Pantheon, 2009.

Ungerer F., Schmid Y.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. London; New York: Longman, 1996.